

2207

Творческая лаборатория мастера

Гурам
ПАНДЖИКИДЗЕ:

„ПИШИ ПРАВДУ ЖИЗНИ“

— Вы пришли в литературу, как мне известно, намного позже представителей своего поколения — тогда, когда ваши сверстники уже были авторами трех-четырёх книг...

— На это есть свои причины. Я окончил Грузинский политехнический институт. Работал на Руставском металлургическом заводе. Затем вновь вернулся в институт, на кафедру металлургии черных металлов.

Не думал, что стану писателем. Но подсознательно меня постоянно одолевало желание по-своему написать о том или ином событии. Я пробовал. Это переросло в привычку, а потом — в любовь.

— Что, по-вашему, формирует современного писателя?

— Поставим вопрос шире — писателя вообще. Прежде всего талант. Если нет у человека таланта, ему не помогут ни школа, ни институт, ни традиции... По своему образованию, теоретическому знанию литературы он может достичь определенного уровня, однако в его произведениях не будет души, в строчках не будет авторской крови.

Талант и интуиция, национальная самобытность — вот понятия, которые определяют подлинную литературу. Эпоха вносит свой ритм, пульсацию, душу. Но без индивидуальных писательских особенностей открытия в художественном творчестве не могут состояться. Если же эти особенности не отражают своеобразия современной эпохи, то произведение окажется анахронизмом.

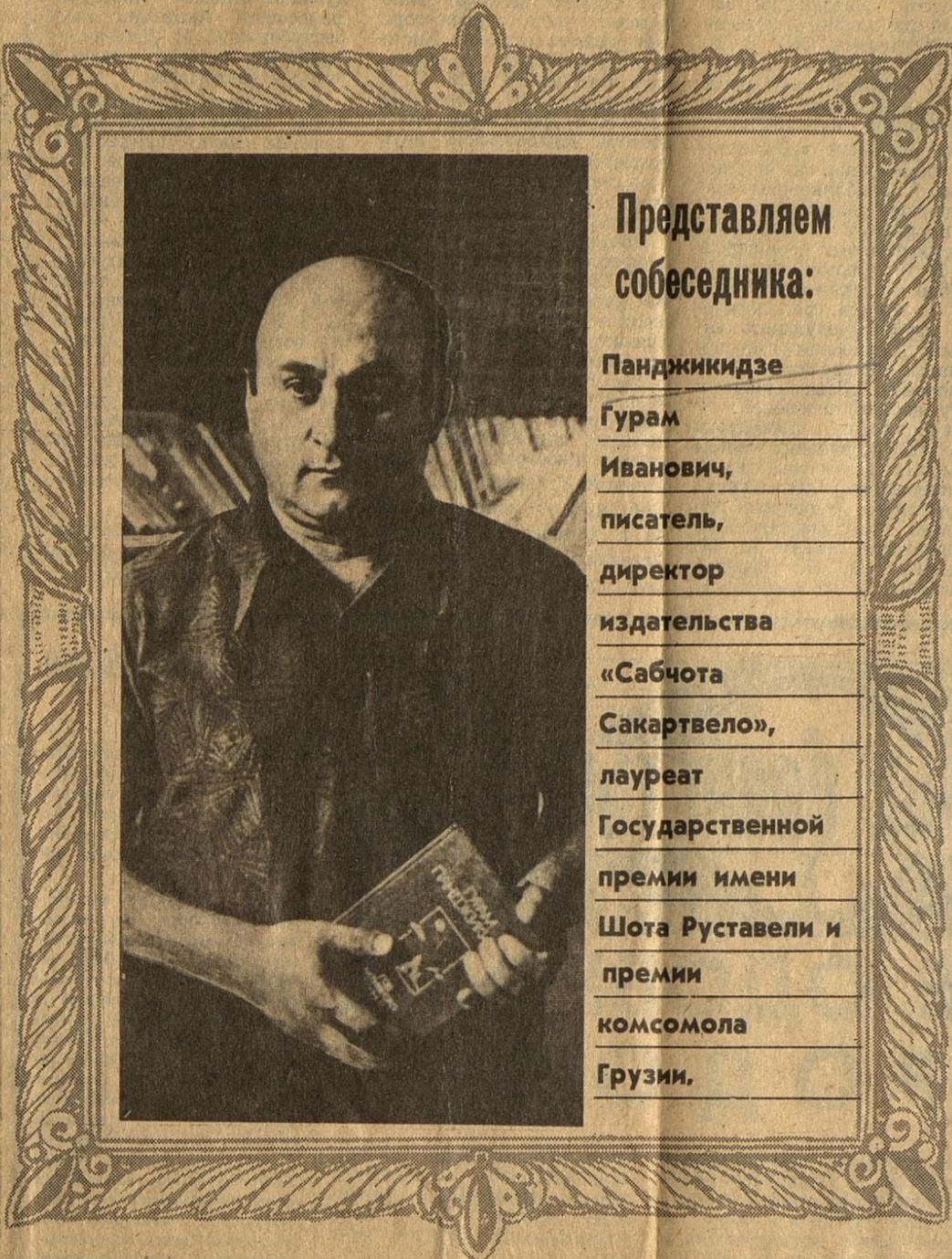
— Какие черты современной прозы вы считаете наиболее характерными?

— Рационализм. В начале двадцатого века в Нью-Йорке построили необычное для того времени здание, автором проекта которого был Райт — один из выдающихся архитекторов с мировой известностью. Оно было абсолютно лишено внешних красот — каких-либо колоннад, орнамента, куполов; выполнено просто и лаконично. Райту пришлось выдержать нападку, а его архитектурный шедевр был назван профанацией. И вот Райт строит в Токио свой известный отель «Империал». В 1923 году, после десятидневного землетрясения, Токио был разрушен почти до основания. Единственным зданием, в котором уцелели даже стекла, был отель «Империал»...

В архитектуре Райта привлекают лаконичность, функционализм. Когда вы заходите в Нью-Йоркский музей Райта, то сначала не осознаете достоинств его архитектуры, однако они незримо проникают в вас. Райт назвал свой метод рационализмом в архитектуре.

То же самое можно сказать о литературе. Писатель должен максимально приблизить к читателю свое произведение, полностью выразив себя в нем, но ненавязчиво. Каждая лишняя фраза, лишнее слово, штрих или пейзаж мешают решению этой задачи, балласт в прозе.

Готовясь напасть на свою жертву, леопард не делает ни одного лишнего движения. Его прыжок не так красив, как логичен, результативен. Четко, рационально решенная писателем задача доставляет мне необыкновенное удовольствие. К сожалению, привыкшие к внешнему блеску фразы принимают рационализм в литературе за несостоятельность автора. Однако именно такие язык и стиль обнаруживают писательскую интуицию, они помогают литератору среди тысячи вариантов отобрать наиболее правдивый и предельно выразительно передать читателю свои мысли.

Представляем
собеседника:

Панджикидзе

Гурам

Иванович,

писатель,

директор

издательства

«Сабчота

Сакартвело»,

лауреат

Государственной

премии имени

Шота Руставели и

премии

комсомола

Грузии.

Одно из высказываний того же Райта: Когда мы строим самолет, сказал он, мы меньше всего думаем о его красоте. Нам нужно прежде всего, чтобы он хорошо и надежно летал. Думаю, так должно быть и в литературе.

— Да, действительно, цель создателей самолета — строго утилитарна. Красота его формы возникает из стремления сделать конструкцию «стальной птицы» максимально надежной, позволяющей предельно увеличивать скорости. Это красота технической целесообразности. Литература же, как мне кажется, прежде всего «мышленные образы», которые непосредственно обращены к нашим эмоциям, где равноправную роль с фактом играет художественный вымысел. Расскажите, как вы работаете и насколько автобиографичны герои ваших произведений?

— Прежде чем начать писать новый роман, я вынашиваю его очень долго. Пишу быстро. Что интересно: в процессе работы у меня обостряется стремление к импровизации. В итоге в романе не остается даже сорока процентов первоначального замысла. Мои герои автобиографичны в той мере, в какой они передают пережитое мною. Один-два эпизодических персонажа имели реальных прототипов, но они — исключения в моем творчестве.

— Если взглянуть на грузинскую прозу последних лет, которая отмечена значительными произведениями исторического характера, ваши романы, Гурам Иванович, особенно созвучны сегодняшней идеологической атмосфере в республике — отражают процессы борьбы с негативными общественно-социальными тенденциями, уродливыми человеческими в за и соотношениями.

Как вы объясните эту близость?

— К моменту этих знаменательных перемен, которые не могут не радовать, подымать дух всех честных людей, отдающих себя нашему общему делу, во мне зрело именно такое отношение к действительности и настоятельно требовало своей художественной реализации. Короче, эти события нашли горячий отклик в моей душе.

— Что вы скажете об экранизациях ваших романов «Седьмое небо» и «Камень чистой воды»?

— Только одно: я огорчен. На мой взгляд, они не удалась...

— Кого вы можете назвать своим учителем? Испытываете ли в творчестве чье-либо влияние?

— Я не считаю себя чьим-либо учеником. А любимых писателей много. Но люблю я их не за какую-нибудь определенную черту или принципиальное родство. Они — представители разных эпох, и у каждого из них — своя манера, свой стиль.

Что касается второй части вашего вопроса, скажу одно: некоторые считают, что литературное влияние — явление не отрицательное. Не спорю. Однако, на мой взгляд, зачастую влияние оборачивается подражанием. Так истинное творчество подменяется ремесленничеством. Мне кажется, если писатель пишет на органичную для него тему, пишет о пережитом, он далек от этой опасности. Нет подлинно художественного произведения без таланта и правды. Что касается конъюнктурщиков в литературе, то их следует наказывать так же,

как и фальшивомонетчиков. Это перефразировка известных слов Сервантеса.

— Какова, на ваш взгляд, основная тенденция развития современной художественной литературы?

— Мы живем в очень напряженную пору, события молниеносно сменяют друг друга. Не отстаем ли мы, литераторы, от эпохи? А если отстаем, то насколько соответствуют наши образы бурной действительности? Не формирует ли по-прежнему девятнадцатый век наш литературный вкус?

Невольно вспоминается, как обсуждали мой роман «Год активного солнца», и один из ораторов упрекнул меня в избытке научной информации. Я ответил, что это — тема, волнующая не только физиков, но и всех нас, современников. Разве можно назвать научной информацией диалог Арчила и Георгия в «Отаровой вдове» о закладке винограда или медицинские трактаты в произведении «Волшебная гора» Томаса Манна? Все это — продиктовано временем.

Да, в современной литературе утверждаются новые темы и, в соответствии с ними, новые художественные приемы. Наука продолжает развиваться с головокружительной скоростью. Как показали соответствующие расчеты, сфера определенных научно-технических знаний удваивается каждые 12 лет, а в некоторых областях — каждые 5—10 лет. Это значит, многое из того, что студент изучает на первом курсе, устаревает ко времени защиты диплома. Столь быстрый прогресс науки и техники оказывает огромное влияние на развитие литературы и искусства. Новый ритм жизни диктует но-

вую литературу. Нельзя, чтобы дух произведения не совпадал бы с духом эпохи. И не надо пугаться необычности материала, незнакомой темы и стилистических новшеств. Мы должны идти впереди времени, а не плестись за ним. Не следует забывать, что время всегда работает на нас, если мы его понимаем.

— О вашем творчестве написано немало статей, рецензий, критических заметок. Как вы оцениваете их?

— Некоторые из них доказательны, конкретны, глубоки. Но таких катастрофически мало. В целом — это набор хвалебных общих фраз, который вызывает только неудовлетворение.

Сейчас настолько высок уровень образования, настолько обширны знания наших критиков, что в их статьях трудно уловить подлинную литературную пронительность, чутье, свое видение. Как вы думаете, легко ли писать о футболе? Прочитайте следующее: «...Для современного футбола характерны скорость, точные подачи, некий универсализм игры... Необходимо противопоставить игре соперника правильный тактический чертёж... Лучшая защита — нападение... Надо навязать сопернику собственный стиль... Надо максимально использовать слабое звено соперника...» А теперь задумайтесь над прочитанным: не скользя ли футбольный обозреватель по поверхности? Я спросил автора одного из таких опусов о том, кто в тбилиском «Динамо» играет левой ногой, а кто — правой. Он не смог ответить. Не смог, несмотря на то, что игру «Динамо» наблюдал и комментировал сотни раз. Способен ли такой человек оценить игру футболистов незнакомой команды?!

К сожалению, нечто подобное происходит и в нашей критике: приводят интересные параллели, часто кокетничают своей начитанностью вместо того, чтобы объективно рассуждать о предмете. Помню, как один из известных критиков со всей серьезностью утверждал в своей довольно большой статье, что Чехов — великий писатель. Он прав, но это не открытие Америки. О том, что Чехов — великий писатель, написано, по меньшей мере, пять эшелонов литературы еще до него. Настоящий крикик тот, кто открывает в Чехове новое, заставляет взглянуть на него по-новому.

Я считаю мерилом нынешней прозы, прозы последних десятилетий двадцатого века — силу психологической правды, характера героя, ситуации, действия. Если я не почувствовал ее в произведении, то уже не верю писателю, какой бы большой проблемы он не касался.

— Над чем вы сейчас работаете?

— В этом году в издательстве «Накадули» выходит в свет моя книга «Человек, энергия, атом...» Это сборник, объединяющий опубликованные ранее очерки о сегодняшних проблемах нашей жизни, вопросах физики, астрономии, религии, энергии. Скоро будет издана моя маленькая книга — «Динамо!» «Динамо!» «Динамо!». Я сопроваждал тбилиское «Динамо» в Роттердам и Дюссельдорф.

Сейчас работаю над двумя романами. Первый — о нашей современности, второй — исторический, о жизни царя Симона. Пишу художественный очерк о возрождении Тушетти. А дальше — как подскажет сердце...

Интервью взял
Н. КВИЖИНАДЗЕ.